

(1) По обычаю своему эконо́м Бобров был домо́сед. (2) Сорок кряду лет он буквально не выходил из корпуса, но зато постоянно ходил по корпусу и всё хлопотал, «чтобы мошенники были сыты, теплы и чисты». (3) Мошенники эти были мы, — так он называл кадет, разумеется, употребляя это слово как ласку, как шутку. (4) Мы это знали. (5) Всякий день он вставал в пять часов утра и являлся к нам в шесть часов, когда мы пили сбитень; после этого мы шли в классы, а он — по хозяйству. (6) Затем обед и всякую другую пищу мы получали непременно при нём. (7) Он любил кормить и кормил нас прекрасно и очень сытно. (8) Порций, как это водится во всех заведениях, у нас при Боброве не было — все ели, кто сколько хотел. (9) Одевал он нас всегда хорошо; бельё заставлял переменять три раза в неделю. (10) Был очень жалостлив и даже баловник, что отчасти было, вероятно, известно директору, но не всё: водились и такие вещи, которые Андрей Петрович по добросердечию своему не мог не сделать, но знал, что они незаконны, и он, бригадир, скрывался с ними, как школьник. (11) Это больше всего касалось кадетов, подвергнутых наказанию. (12) Тут он весь вне себя был, сдерживался, но внутренне ужасно болел, кипятился, как самоварчик, и, наконец, не выдерживал, чтобы чем-нибудь не «утешить мошенника». (13) Всякого наказанного он как-нибудь подзовёт, насупится, будто какой-то выговор хочет сказать, но вместо того погладит, что-нибудь даст и отпихнёт: — Пошёл, мошенник, вперёд себя не доводи! (14) Особенная же забота у него шла о кадетарестантах, которых сажали на хлеб и воду, в такие особенные карцеры, куда товарищи не могли доставить арестантам подаяние. (15) Андрей Петрович всегда знал по счёту пустых столовых приборов, сколько арестованных, но кадеты не упускали случая с своей стороны ещё ему особенно об этом напомнить. (16) Бывало, проходя мимо него из столовой, под ритмический топот шагов, как бы безотносительно произносят: — Пять арестантов, пять арестантов, пять арестантов. (17) А он или стоит только, выпучив свои глазки, как будто ничего не слышит, или, если нет вблизи офицеров, дразнится, то есть отвечает нам тем же тоном: — Мне что за дело, мне что за дело, мне что за дело. (18) Но когда посаженных на хлеб и воду выводили из арестантских на ночлег в роту, Андрей Петрович подстерегал эту процессию, отнимал их у провожатых, забирал к себе в кухню и тут их кормил, а по коридорам во всё это время расставлял солдат, чтобы никто не подошёл. (19) Сам им, бывало, кашу маслит и торопится тарелки подставлять, а сам твердит: — Скорее, мошенник, скорее глотай! (20) Все при этом часто плакали: и арестанты, и он, их кормилец, и сторожевые солдаты, участвовавшие в проделках своего доброго бригадира. (21) Кадеты его любили до той надоедливости, что ему буквально нельзя было показаться в такое время, когда мы были свободны. (22) Если, бывало, случится ему по неосторожности попасть в это время на плац, то сейчас же раздавался крик: — Андрей Петрович на плацу! (23) Больные ничего не нужно было, и все знали, что делать: все бросались к нему, ловили его, брали на руки и на руках несли, куда ему было нужно. (24) Это ему было тяжело, потому что он был толстенький кубик, — ворочается, бывало, у нас на руках, кричит: — Мошенники! (25) Вы меня уроните, уьёте... (26) Это мне нездорово, — но это не помогало.

(По Н. С. Лескову*)

* Лесков Николай Семёнович (1831-1895) — известный русский писатель и публицист.